

В субботу утром на вилле семьи Лу впервые за долгое время стало оживлённо.

Один за другим начали приезжать родственники из боковых ветвей семьи. На словах — навестить Лу Чжияня, а на деле — посмотреть на незаконнорождённого сына семьи Су, которого прислали ему в супруги, и заодно выведать, как теперь живёт сам Лу Чжиянь.

После того как по всему кругу влиятельных семей разнеслась весть о его инвалидности, разговоры не утихали. Всем хотелось увидеть своими глазами, на ком женился утративший возможность ходить глава семьи Лу.

В гостиной расставили изысканные чайные закуски. Слуги сновали туда-сюда, и на каждом лице читалась осторожность.

Лу Чжиянь сидел в инвалидном кресле на главном месте. От него исходила холодная, тяжёлая аура. Родственники из боковых ветвей расселись вокруг, произносили вежливые фразы, но то и дело косились на Су Няньаня.

По распоряжению старого дворецкого Су Няньань стоял позади Лу Чжияня словно сопровождающий. Голова опущена, руки сложены перед собой, поза безупречно смиренная — ни одного лишнего движения.

На нём была светлая одежда, выстиранная до белизны. На фоне роскошной гостиной она выглядела совершенно неуместно и лишь сильнее подчёркивала его скованность и бедность.

Су Няньань чувствовал обращённые на него взгляды. В них были любопытство, презрение, насмешка — всё, кроме уважения. Они кололи, как иглы, и от них хотелось сжаться, но он мог только молча терпеть.

Одна из дам из боковой ветви приходилась Лу Чжияню дальней тёткой. Женщина была крайне снобистской и больше всего любила распускать сплетни.

Она подняла чашку, оглядела Су Няньаня сверху вниз и с презрительной улыбкой нарочно заговорила громче, чтобы слышали все:

— Так это и есть тот незаконнорождённый, которого прислали Су? На вид вроде смирный, только в приличное общество его всё равно не вывести. Стоит здесь — точь-в-точь слуга.

Вокруг тут же раздался смех, а насмешливые взгляды стали ещё откровеннее.

Молодой родственник из боковой ветви, живший за счёт семьи Лу и привыкший задирать нос благодаря чужой силе, тоже не стал сдерживаться:

— Тётя, вы не понимаете. Семья Су ведь и отправила его сюда, чтобы он постель брату Чжияню грел. Незаконнорождённому так выйти за него — ещё повезло невероятно.

— Именно. Незаконнорождённый без положения и имени — только постель греть и годится. Бесплезная декорация.

— Такой мягкий и слабенький. Что он вообще умеет, кроме как прислуживать? И правда слишком хорошо устроился.

Каждая насмешка словно нож врезалась Су Няньаню в сердце.

«Бесплезный, годится только греть чужую постель».

Фраза была жестокой и прямой, без всякого стыда растаптывала его достоинство.

Он так сильно сжал край одежды, что пальцы побелели, а ногти глубоко впились в ладони. От боли дрожало сердце. Глаза сразу покраснели, слёзы собрались на ресницах, но Су Няньань изо всех сил не позволял им пролиться.

Он не смел поднять голову, не смел возразить и не хотел видеть лица этих людей. Оставалось только смотреть в пол и прятать внутри весь стыд и обиду.

Су Няньань знал, что не имеет права спорить. В глазах этих богатых и влиятельных людей он был низким незаконнорождённым сыном, присланным лишь для количества, — декорацией, которую можно безнаказанно высмеивать и презирать.

Лу Чжиянь, сидевший на главном месте, всё слышал и всё видел.

Но его лицо оставалось холодным. Он не вступился за Су Няньаня, не остановил язвительные речи — в глазах даже не промелькнуло никакой реакции.

Для него это были всего лишь пустые разговоры. Су Няньань и правда был декорацией и пешкой. Что с того, если над ним немного поиздеваются или скажут пару неприятных слов?

Лу Чжиянь не собирался ссориться с родственниками боковой ветви ради незначительного человека и тем более не собирался ради него забывать о собственном положении.

Он молча сидел и позволял окружающим насмехаться над Су Няньанем. Колкие слова одно за другим падали на того, а Лу Чжиянь всё это время оставался безучастным.

Дальняя тётка, заметив, что Лу Чжиянь никак не реагирует, стала ещё бесцеремоннее.

Поставила чашку, подошла к Су Няньаню и снова оглядела с головы до ног.

— Как же жаль Чжияня. Пусть ноги у него и не работают, но всё равно не стоило брать в супруги такую недостойную вещь. Он даже обувь нашей семье Лу подавать не заслуживает.

Су Няньань слегка задрожал. Плечи напряглись, горло стиснуло, и он не смог произнести ни слова.

Он ощущал феромоны окружающих — высокомерные, давящие, наполненные чувством превосходства. Для такого слабого омеги это давление было почти физическим, и дышать становилось трудно.

Ему хотелось убежать, покинуть место, где он не знал, куда деваться от унижения. Но он не смел. Мог только стоять за спиной Лу Чжияня, молча принимая все пересуды и насмешки, словно бездушная марионетка.

Смех, издёвки и разговоры переплетались в гостиной в невидимую сеть и намертво опутывали его.

Никто не помог. Никто не защитил. Даже человек, который формально был его мужем, только холодно смотрел со стороны и позволял другим унижать его.

В этот момент чувство собственной ничтожности и стыда достигло предела.

Су Няньань окончательно понял: в этом богатом доме он не только декорация Лу Чжияня. Он ещё и бесполезная вещь, которую каждый может оскорбить и растоптать как захочет.

<http://bllate.org/book/20587/2058865>